

Три сестры переехали в Москву

Шумный успех польской пьесы о русской жизни.

Три сестры в польском варианте

Чеховские сестры мечтали выбраться из провинциальной глуши в первопрестольную. Три сестры в новой пьесе польского драматурга Януша Гловацкого живут в Москве, мечтая о состоятельных мужьях и об Америке.

Знаменитый прозаик, сценарист и драматург Гловацкий (его пьесы охотно ставят в Москве — к примеру, «Подонки» Юрия Еремина в Театре имени А.С. Пушкина и «Антигона в Нью-Йорке» Леонида Хейфлика в «Школе современной пьесы») со свойственной ему прощепанностью написал драматическую «Четвертую сестру», гиперсовременную настолько, что в депрессивном, наряду с отставным генерал-патриотом, тоскующим о бывшем Советском Союзе, любвеобильным депутатом Госдумы, мафиозными разборками, отзвуками конфликта в Косове, не единожды проходит тема недавних взрывов жилых домов. Вся фантазмагория сумасшедшей московской жизни преподносится через метания трех сестер, явно навеселенных чеховскими сестрами Прозоровыми.

Премьеры «Четвертой сестры» только что с успехом прошли в двух известных польских театрах — Театре Польском во Вроцлаве и Театре Повшехном в Варшаве. Сейчас над ней работает театр в Нью-Йорке (где с 1981 года, после введения в Польшу военного положения, живет Гловацкий, временами приезжая на родину, а теперь в связи с постановками своих пьес — и в Россию); есть западный продюсер, готовый перенести «Четвертую сестру» на экран. В декабре в Варшаве сыграно уже 12 спектаклей, на январь объявлены еще 10, все с аншлагом.

Три сестры Гловацкого живут в неприглядной московской квартире, возможно, коммунальной. Старшая Вера, в прошлом учительница, самая выдержанная и стойкая, перебивается как может. Безоговорочно верит своему любовнику Юрию Алексеевичу, депутату Госдумы, пылкую страсть которого ей приходится удовлетворять даже в здании парламента. Сам же Юрий Алексее-

вич не забывает порассуждать о русской душе, которую по глубине сравнивает с озером Байкал.

Дипломированный юрист Катя работает в цирке, помогает дрессировщику кормить животных, подворовывая мясо у тигра. Часто впадает в депрессию, утешение находит в вине. Но, будучи натурой тонкой и впечатлительной, надеется, что случайная встреча с заокеанским режиссером еще отзовется любовью.

У младшей, Тани, эмоции выплескиваются через край. Она верит во все — в приметы, символы, в собственные сказки. Отец сестер, отставной генерал, прослышав о бешеных гонорах Барышникова, хочет из не способной к танцам девушки сделать «вторую Плисецкую», хотя и отдает себе отчет, что для этого нужны талант и деньги.

Тема денег, а точнее — долларов, красной нитью проходит через весь спектакль, образуя, как заметил на репетиции сам автор, «четвертую стихию». Есть, правда, еще одна «красная нить», обозначенная упомянутой в пьесе поговоркой: «Поляк — католик, русский — алкоголик, американец — наркоман». В «Четвертой сестре» пьют все от начала действия до финальной сце-

ны, включая сироту-подростка Колю, которого приютил генерал. Из стаканов и из горла. Иногда запивая компотом. Генерал предпочитает водку, сестры — что под рукой, депутат Юрий — виски «Johnny Walker Black». То есть любимое Бориса Николаевича.

У Тани есть свой «герой нашего времени» — бизнесмен Костя. Окончил МГУ, смотрит CNN, занимается аэробикой, пользуется e-mail, имеет доступ к Интернету, спекулирует танками через некоего генерала с таинственным партнером по имени Абдул. Другие бизнесмены хотят Костю убить: видно, кому-то вовремя не отстегнул. И убивают. По ошибке. Таня остается в свадебном платье, но без жениха.

А кто же четвертая сестра? Это уже знакомый нам пьяный сирота Коля, который, назвавшись Соней и переодевшись в женское платье, снимается в главной роли документального фильма о малолетних проститутках «Дети Москвы». Режиссер фильма Джон Фриман получает «Оскара», а кинозвезда Соня-Коля подает сестрам надежду на лучшую жизнь. Всем сразу в Америку не выбраться, но снарядить за океан Колю по силам. Вскоре тот возвращается всего с одним чемо-

даном, да и то не своим: багаж перепутали. Но стоило чужой чемодан открыть, как все ожидания сестер сбылись, словно по волшебству. Депутат прибежал к Верочке с цветами и заверениями в любви. Со статуэткой «Оскара» и обещаниями развестись с женой к Кате примчался Джон Фриман. Хеппи-энд? Не тут-то было.

Верочке приспичило родить. Со сцены слышится плач ребенка. Доморощенная новитуха не может определить его пол. Но имя уже есть — Надежда. Вдруг гаснет свет и раздается очередь из «калашникова». И типична. Соседка, оставшаяся в живых благодаря пуленепробиваемому жилету (она стала рекламировать его после убийства сына Кости), объясняет зрителям, что порешил всех... новорожденный. Слишком много его мама Верочка смотрела американских фильмов. Младенца отправили в исправительный дом для новорожден-

ных, что порешил всех... новорожденный. Слишком много его мама Верочка смотрела американских фильмов. Младенца отправили в исправительный дом для новорожден-

ных, предварительно подписав договор на его будущую книгу и продав права на фильм студии Дисней.

В начале пьесы генерал Иван Петрович задается тремя вопросами: «Кто здесь правит? Где деньги? Как это закончится?» И добавляет к ним четвертый: «Как жить?» Первые три разрешимы. Только никто не может ответить на четвертый.

Сразу после публикации «Четвертой сестры» польские критики занялись анализировать русский феномен в польской драматургии 90-х. Кто-то заметил, что в тот момент, когда вся польская культура устремилась на Запад, театр не порвал связей с Востоком. Но если Славомир Мрожек в пьесе «Любовь в Крыму» и его последователи довольствовались цитатами из российской классики и историческими аллюзиями, Януш Гловацкий окунулся в самую гущу российской действительности, когда, по признанию одного из героев «Четвертой сестры», «распалась наша страна на куски, как будто ее собаки разорвали». Гловацкий не представляет, как «Четвертая сестра» будет воспринята в Москве, но на всякий случай повторяет, что писал сатиру не на Россию, а вообще на конец века.

Как бы то ни было, но в пьесе, по словам депутата-антисемита, «вся Россия висит в воздухе вверх ногами», как на картине ненавистного ему Шагала. Время от времени слышится заунывная русская песня. Русский мат звучит в устах очаровательных польских актрис очень мило и, как в России, употребляется просто для связки слов. Солидный журнал современной драматургии «Диалог» предупреждает россиян, что не следует видеть в пьесе Гловацкого синтезированное представление поляков об их стране: драматург выстраивает фарсовый текст на общих стереотипах. И этими стереотипами забавляется. Зрителю это понравилось. Сам наблюдал.

Валерий МАСТЕРОВ, собкор «МН». Варшава